
П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова
(Саратов)

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Развитие социальной работы как сферы профессиональной практики привело к определению новых задач в области эмпирических социальных исследований во второй половине XX в. Проблематика социального неравенства и прав человека была переформулирована в контексте деятельности, направленной на решение социальных проблем. Эти интенции нашли отражение в методологии эмпирических исследований и характере интерпретаций полевых материалов, особенности которых рассматриваются в этой статье. Авторы основываются на перспективе критического знания и обсуждают возможности партисипаторных акционистских исследований в социальной работе и социальной политике.

Ключевые слова: критический анализ, социальная работа, социальная политика, партисипаторное исследование, акционистское исследование.

Социальная работа как определенная область профессиональной практики, научная дисциплина, подход к решению социальных проблем сформировалась не так давно. Процесс ее идентификации как сферы профессионального опыта складывался очень непросто, но по преимуществу развивался таким образом: первоначально возникла практическая деятельность, затем специальное образование,

Павел Васильевич Романов – доктор социологических наук, профессор, директор Центра социальной политики и гендерных исследований.

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета.

статус которого постепенно повышался до университетского. Во всяком случае, большая часть образовательных программ в США и европейских странах, где готовились социальные работники, возникла лишь в начале XX в. Постепенно развивались теоретические школы, подходы, специальные учебные пособия и периодические издания, ассоциации практиков и работников образования. Параллельно процессам рефлексивного осознания деятельности социальных работников как профессиональной, основанной на особом этическом кодексе и теоретическом обучении, приходило понимание значения исследований в осуществлении социальной политики и социальной помощи.

Возникнув как поздний продукт эпохи Модерна, результат развития социального обеспечения в либеральном капиталистическом обществе и будучи направленной на создание и применение эффективных механизмов выявления и решения социальных проблем, социальная работа не только воспользовалась методологическими ресурсами наук о человеке и обществе (социологии, социальной антропологии, психологии), но и выработала собственные приемы исследований, которые затем были с успехом восприняты академической социологической общественностью. К их числу относится, например, стратегия кейс-стади, которая использовалась первоначально в обследовании нуждающихся городских семей для выработки подходов для оказания помощи, а позже нашла применение в академических исследованиях городских и сельских сообществ, предприятий и организаций. Следует напомнить также, что одна из основательниц социальной работы Джейн Аддамс длительное время тесно сотрудничала с социологами из Чикагского университета на той стадии, когда происходила интенсивная кристаллизация подходов, названных позднее Чикагской школой в социологии. Профессионализация академической социологии, с одной стороны, и социальных работников, с другой, шла в разных институциональных условиях, хотя в наши дни их задачи во многом сходятся: от социологов ждут таких результатов,

которые бы помогли в решении социальных проблем, а от социальных работников – способности рефлексивно подходить к своей деятельности, применять исследовательские методы, собирать и анализировать факты.

По мере институционализации социальной работы как научной дисциплины арсенал исследовательских методов развивался не только на основе заимствований методологии других социальных наук. Перед новыми вызовами демократии, в условиях плюрализирующегося общества, новых типов депривации и неравенства, практика социальной помощи порождает собственный дискурсивный контекст, особые акценты и техники, позволяющие эффективно достигать целей социальной работы. Основное содержание этих целей остается неизменным несмотря на постоянную ревизию определений, теоретических и практических легитимаций деятельности социального работника в локальных условиях и международном контексте. Этими целями являются соблюдение прав человека, смягчение социального неравенства, гуманизация условий человеческого существования.

Особенность социальной работы заключается в стремлении постоянно пересматривать сложившиеся стереотипы, следование которым может существенно снизить эффективность профессиональной практики и поставить под угрозу интересы не только клиентов, но и специалистов, организации и профессии в целом. Поэтому говорят о рефлексивном типе профессионала, не только способном применять теорию на практике, но и анализировать, оценивать собственную практику и работу своей организации, генерировать теорию из практического опыта, критически переосмысливать свои знания и умения, быть открытым новым подходам и определениям.

Специалист социальной работы является профессионально подготовленным не только для индивидуальной или групповой терапевтической деятельности, но и для осуществления планирования работы отдела и всей службы. Здесь социальная работа

сближается по своим функциям с прикладной социологией, которая предусматривает проведение исследований с целью их незамедлительной реализации в деятельности учреждения или ведомства. С этой точки зрения, для повышения качества работы организации важно, во-первых, оценивать потребности непосредственных, уже известных клиентов и нужды района или города в целом; выявлять потенциальных клиентов, которые представляют этнические меньшинства, мигрантов, особые группы риска, пока еще не охваченные профессиональной помощью. Во-вторых, необходимо оценивать те методы, которые применяются отдельными специалистами и соответствующей социальной службой в целом, те результаты, которых удастся достичь. Все это используется для того, чтобы оценить вклад и квалификацию работников, представить отчет о деятельности службы, найти проблемы в ее работе, запросить дополнительное финансирование и продемонстрировать должную степень рефлексии, т.е. осмысленной деятельности, а также реализовать задачи прозрачности и подотчетности, необходимой для эффективного управления организацией социальной сферы.

В чем особенности исследований в социальной работе? Отчасти, они обусловлены предметной областью – это социальная работа, связанные с ней организации и более широкий ее контекст. Вместе с тем, интересы других исследователей, например, психиатров, геронтологов и криминологов, нередко пересекаются с интересами исследователей социальной работы. Однако геронтологи вряд ли напрямую озабочены развитием социальной работы или связанных с ней сервисов, тогда как исследователи социальной работы – несомненно. Принимая это в расчет, становится ясно, что исследователи социальной работы заинтересованы в оценивании «того, что работает» [1], в исследовании эффективности методов, подходов и практик. Вместе с тем, зарубежные исследователи признают, что растущий акцент в социальном обслуживании, в системе уголовной юстиции и здравоохранении на

«эффективности» и на том, «что работает», слишком суживает предметную область исследований в социальной работе.

Мы ведем речь об исследованиях в социальной работе в широком смысле, предполагая не только изучение социальной работы как профессиональной практики, анализ теоретических допущений, методов и уровней интервенции, но и социальных проблем и способов их решения, аспектов поведения индивидов и групп. Единственное условие, которое при этом должно выполняться, – это должны быть исследования *для* социальной работы, приносящие пользу профессии, и в этом смысле они являются прикладными.

Те данные, которые специалист получает в ходе каждодневной деятельности во взаимодействии с клиентом, в специально проводимых исследованиях и мониторингах, представляют собой самостоятельную ценность не только для целей интервенции, управления и планирования, но и в аспекте обучения. Эмпирические данные подвергаются обобщению и анализу, излагаются в публикациях различного жанра – информационных справочниках и докладах, научных статьях и учебных пособиях. Тем самым осуществляется приращение знания о практике социальной работы, управлении организациями социальной сферы, способах решения социальных проблем. Благодаря исследованиям происходит развитие теории и методов практической социальной работы, оттачивается идеология профессии, подвергается редакции этический кодекс.

Профессиональная социальная работа, придерживающаяся принципа нондискриминации, уважения прав человека, предполагает, что специалисты владеют подходами критического анализа. Это означает, что социальные работники становятся рефлексивными практиками, способными критически оценить собственную деятельность, а также пересмотреть те установки, которые обусловлены субкультурой конкретной организации. Такие установки могут быть вызваны также стереотипами, распространенными в обществе относительно женщин и мужчин, пожилых, подростков.

Рефлексивность в практике помогает преодолеть страх и нетерпимость у самих себя и своих коллег в отношении ВИЧ-инфицированных, заключенных, вышедших из мест лишения свободы и других людей, нуждающихся в понимании и поддержке.

Особенностью постсоветской социальной политики в России является развитие в ряде ее направлений особой идеологии, основанной на доминировании дисциплинарных форм и расширении социального контроля. Речь идет об ужесточении мер по выяснению так называемой «нуждаемости» в отношении инвалидов, бедных, мигрантов, а также об усилении репрессивной компоненты в программах работы с наркозависимыми и правонарушителями в сфере нетяжких преступлений; о таких ситуациях, когда контроль и дисциплина становятся более приоритетными, чем главная функция социальной политики – забота государства о благополучии своих граждан [см. 2; 3].

В современной России стратегии политиков в отношении социальных проблем не всегда отличаются гуманистическим содержанием. В свою очередь, следуя этим стратегиям, социальные работники и администраторы социальных служб подчас в большей степени озабочены сохранением государственных фондов, чем судьбами простых людей, и решение сложных ситуаций подменяется проверкой честности клиентов, обоснованности их претензий на субсидии и социальную помощь. Для политиков социальные проблемы бедности становятся понятными в терминах ущербности – «психологическая дезадаптация», «неблагополучные семьи», а сам факт бедности или нужды рассматривается как причина интервенции и применения таких действий, которые, по сути, «патологизируют» индивида. Вместе с тем, в отличие от политиков, социологи и опытные социальные работники видят за тем, что называют бедностью, причины более широкого порядка – распад семьи, подростковую делинквентность, недовольство трудящихся зарплатой и условиями труда, изменение структуры потребностей. Без поворота социальной политики в направлении

поиска ответов на эти структурные причины проблемы не могут быть решены, более того, антисоциальная политика останется определяющей стратегией.

С успехами социального государства, когда неравенство перестает быть ценностно-негативным понятием, начинает пониматься как инаковость, непохожесть, в конце концов как плюрализация и индивидуализация жизненных стилей и культур, когда ставится под сомнение «Project Moderne» как генеральная линия прогресса и модернизации, – в западную науку и социальную политику входят понятия, подчеркивающие социально-историческую пространственно-временную специфику явлений [4, с. 71]. Более того, радикальная традиция в рамках социальной политики как дисциплины, в частности, позволила проявить те способы, которыми социальная политика пользовалась как механизм власти, формируемой на классовых, гендерных и расовых основаниях. Несмотря на это, социальная политика продолжает оставаться аналитической и управленческой практикой, нацеленной не только на познание социального мира, но и на его улучшение. Власть экспертов в конструировании «социальных проблем», вмешательство в жизни людей ради их или общественного блага все чаще становятся объектом анализа и критики.

Репрессивный подход, который настойчиво воспроизводится в ряде направлений социальной политики (например, в аспектах профилактики наркозависимости, ВИЧ-инфекции, СПИДа), вносит вклад в криминализацию и медикализацию социальных проблем, а классификация семей на «здоровые» и «больные» способствует развитию «дисциплинарных» механизмов контроля, которые в мировой практике трактуются как антисоциальная политика. Ряд гуманистических начинаний, имеющих положительный опыт и экономический эффект, в том числе развитие института фостерных семей, обречен на временный статус в силу ведомственной разобщенности и теневых интересов субъектов социальной политики, отвечающих за детские судьбы. Вот почему важную роль

играют не социальная критика сама по себе, а прикладные исследования, проведение оценки эффективности действующих и экспертизы планируемых проектов с позиций нондискриминации [5; 6]. В таких исследованиях ключевыми понятиями являются: равенство, доступность, соблюдение прав человека и достижение социальной справедливости.

Типы исследований в социальной работе

Поскольку социальная работа имеет целый ряд направлений, реализуется комплексными структурами (специальными организациями, службами, отделами, отдельными специалистами, выполняющими разнообразную деятельность по социальному обслуживанию), а ее исполнители на практике сталкиваются с многочисленными препятствиями, необходим критический анализ всех этих аспектов, нацеленный на выработку знания о конкретной проблеме и способах ее решения, а также на внедрение этих знаний в процесс принятия решений.

Рассмотрим более подробно основные типы исследований в социальной работе. Исследование в социальной работе может быть представлено различными стратегиями в зависимости от поставленных задач. Мы остановимся на следующих наиболее важных типах исследований: фундаментальное и прикладное исследование; среди прикладных исследований выделяются: анализ социальной политики, оценка, диагностика, экспертиза, наконец, особо следует сказать об акционистских и партисипаторных исследованиях в социальной работе.

Фундаментальные и прикладные исследования

С точки зрения управления научными исследованиями принято различать фундаментальные и прикладные проекты. Считается, что фундаментальное исследование основывается на теоретической перспективе, которая определяется научной школой и

задает структуру исследования, его дизайн, цели, характер исследовательских методов, соответствующих целям анализа выбранной проблемы. Различные теоретические перспективы позволяют увидеть проблему с разных сторон. Фундаментальное исследование в социальной работе проводится с целью развития теории, расширения знаний о социальных механизмах, следствием которых являются те или иные социальные проблемы. При этом объяснение осуществляется во имя научных целей, поэтому фундаментальное исследование противопоставляют прикладному, результаты которого непосредственно направлены на практическое применение.

Вместе с тем, фундаментальные исследования в социальной работе востребованы не меньше прикладных, так как теоретическая база профессии нуждается в постоянном развитии и пересмотре. Кроме того, фундаментальные исследования позволяют повысить статус профессии как имеющей научную составляющую, вопреки представлениям о ней как об искусстве или технологии, или даже состоянии души, бытующим среди некоторых чиновников или практиков – руководителей и рядовых работников. Исследования социальной работы могут проводиться в организации, и в этом случае полезно применять подходы, сложившиеся в организационной антропологии и социологии, но они также проводятся и среди различных социальных групп – пожилых людей, молодежи, трудовых или вынужденных мигрантов, лиц с различными заболеваниями, этнических меньшинств, – и тогда речь идет о расширении теоретических оснований таких дисциплин, как социальная геронтология, социология молодежи, социальная криминология, социальная медицина, этносоциология.

Заметим также, что разделение на фундаментальную и прикладную науку носит условный характер – ведь, говорят же, что нет ничего практичнее хорошей теории. Как можно видеть, оно применяется для различения тех ожиданий, которые связаны с разными исследованиями, и тех результатов, которые предназначены

для разного употребления. Впрочем, подчас классификация имеет целью, и в этом отношении можно согласиться с соображением М. Фуко о властной составляющей любых классификаций, разделить науку на высокостатусную, или фундаментальную, т.е. предназначенную для сооружения ценностно-нейтрального корпуса академического знания, и низкостатусную, или прикладную – предназначенную для решения рутинных практических задач заинтересованными исследователями. Но такой аспект проблемы сразу уводит нас в рассуждения о латентных особенностях устройства науки как социального института, что не является целью настоящей статьи.

Анализ социальной политики

Планирование в социальной политике и социальной защите предполагает использование специфических исследовательских методов. Тому, кто принимает политические решения, необходимы данные исследований, которые позволят снять неопределенность и осуществить изменения. Анализ социальной политики может проводиться в различных формах. Во-первых, в случае фундаментального социального исследования ученые, развивая теоретические посылки для понимания социальных проблем, практически не ограничены временными рамками, более того, сама публикация в научном журнале зачастую требует более года, а язык этих публикаций иногда является трудным как для политиков, так и для общественности. Вместе с тем, такие исследования необходимы для пересмотра сложившихся представлений о причинах социальных проблем и эффектах социальной политики [7; 8; 9; 10; 11].

Во-вторых, при планировании социально-политической программы на какой-либо период эксперты из числа чиновников формулируют систему целей или список желаемых результатов, которые составляют критерии успешности выполнения плана по

завершении намеченного срока. Такой подход не испытывает больших временных ограничений, поскольку ориентирован на долгосрочные цели. Слабость этого подхода заключается в бюрократизации и формализации политических мероприятий, что приводит к сдвигу приоритетов от решений конкретных социальных проблем к отчетности по достижению идеальных целей, зачастую – к «лакированию» сложной и противоречивой реальности. Однако эта технология является ключевой для функционирования крупных проектов и программ, причем она постоянно совершенствуется благодаря развитию проектной деятельности в социальной сфере.

В-третьих, анализ социальной политики, будучи прерогативой специальных, зачастую независимых, неправительственных экспертных групп, в целях выработки рекомендаций для немедленного решения назревшей проблемы или помещения новой проблемы на повестку дня, осуществляется в очень сжатые сроки. Как правило, эксперты используют вторичный социологический анализ данных, хотя порой проводят собственные опросы, так как по той или иной проблеме может быть дефицит информации. Такой анализ предлагает политикам альтернативные решения проблем, однако может оказаться «близоруким» вследствие жестких временных рамок и ориентации на «заказчика», в роли которого выступают местные и федеральные органы власти. Вместе с тем, этот вид анализа оказывается незаменимым в целом ряде «горячих» ситуаций, когда необходимо принять решение, способное в большей или меньшей степени снизить социальную напряженность, решить ряд проблем социальной защиты.

Сравнительный анализ социальной политики

Важным приемом исследований социальной политики является сравнительный анализ, в частности, в международной перспективе. Ценность международных сравнений состоит, прежде всего, в том, что они дают возможность увидеть многообразие

вариантов решения проблем, альтернативные модели организации системы социальной политики, пересмотреть те схемы, которые, как правило, в стране своего проживания авторами принимаются как должное. Кроме того, систематический сравнительный анализ позволяет более глубоко и целостно охватить социальное государство не только как общую категорию, но и в его конкретных воплощениях. Это очень важно для того, чтобы любые заимствования зарубежных идей проходили со знанием дела, с учетом того, на какие традиции, институты, правовые, политические и социально-экономические условия эти практики или мероприятия опираются. Необходимо видеть как сходства, так и различия, как достоинства, так и недостатки отечественной и зарубежных моделей социальной политики, чтобы не заблуждаться относительно уникальности и превосходства тех или иных воплощений социального государства. Итак, одна сторона сравнительного подхода состоит в выявлении сходств и различий между странами в перспективе реализуемой в них социальной политики.

Еще один аспект сравнительного подхода к анализу социальной политики – это изучение международного, или глобального контекста ее развития. В частности, как указывает Элан Кочрэйи [12], формирование британской социальной политики после Второй мировой войны шло под сильным влиянием экономической и политической власти США и ситуации холодной войны, в частности, страха военной и идеологической угрозы со стороны Советского Союза. Расцвет послевоенной системы социального обеспечения Великобритании следует оценивать именно в связи с мировыми процессами, включая экспансию международной торговли, взлет массового производства и массового потребления в богатых странах, сочетание рыночно-ориентированной экономической политики и универсалистских форм социального государства. Окончание Второй мировой войны способствовало росту национальных движений в бывших колониях Соединенного Королевства, и развитие британского социального государства сопровождалось

ужесточением контроля за въездом в страну. Итак, вторая сторона сравнительного подхода – это анализ опыта конкретных стран в глобальном контексте.

Э. Кочрэйн указывает на целый ряд трудностей анализа социальной политики. В частности, нередко исследователь собирает данные, основываясь на предположении о разделении социального обеспечения на публичную и частную сферу. В этом случае обслуживающий труд других членов семьи – как правило, женщин, – осуществляемый бесплатно в частной, домашней сфере, не учитывается, поскольку считается не имеющим отношения к социальному государству, в отличие от наемного труда в сфере социального обслуживания. Тогда невозможно будет сравнивать показатели занятых в социальном обслуживании людей: ведь в ряде государств этот труд возложен на плечи семьи.

Чтобы избежать этого разделения на публичное и частное, целесообразно рассмотреть, например, то, каким образом в разных социальных государствах развивалась семейная политика – эксплицитная или имплицитная [13]. Тем самым можно раскрыть сложные связи между государственной социальной политикой и обычной, повседневной жизнью [14; 15]. Словом, необходимо учитывать целый набор акторов социальной политики и социального обеспечения: государство, рынок, негосударственные организации и сети «неформальных» работников по уходу.

В таком случае интересно будет рассмотреть, до какой степени государство расценивает семьи как источники неформального социального обеспечения, а когда семьи «ошибаются» – как причины социальных проблем. Понимание того, что социокультурные представления о ролях мужчин и женщин лежат в основе социальной политики, позволяет осуществить гендерно чувствительный анализ сравнительной социальной политики [16], поскольку нейтральные категории социального гражданства скрывают от нас социальное неравенство, которое воспроизводится именно социальным государством. Здесь применяется стратегия кейс-

стади, т.е. исследование отдельных случаев. Ниже мы вернемся к обсуждению этой стратегии в исследованиях социального обслуживания.

Еще одна проблема сравнительного анализа социальной политики состоит в особенностях используемых данных. Прежде всего, трудно избежать интерпретации опыта других стран в терминах собственной культуры и науки. Кочрэйн предупреждает о риске превратить страну исследователя в нечто вроде нормы, с которой сравнивается все остальное. Это усугубляется трудностями различать сложившиеся в тех или иных странах социальные и политические «правила», а также непосредственные термины, которые принимаются по умолчанию, хотя могут иметь разный социальный смысл в различных местах.

Помимо кейс-стади, в сравнительных исследованиях используются статистические данные, которые собираются и распространяются международными организациями, включая ООН, Всемирный Банк, ЮНИСЕФ или Организацию экономического сотрудничества и развития. Применение таких данных позволяет проводить сравнение по ряду индикаторов, в том числе государственные расходы на отдельные мероприятия (например, можно сравнить социальные расходы и расходы на оборону) и дифференциация населения по уровню дохода. Преимущество такого подхода в том, что он позволяет отметить макротенденции и сделать широкие выводы, однако он оставляет большие пробелы там, где данные отсутствуют, поскольку международные организации не имеют к ним доступа или не ставят своей задачей их сбор. Кроме того, данные не всегда четко сравнимы.

И все же, этот метод довольно продуктивен. Известный исследователь социальной политики Еста Эспинг-Андерсен использует его для сравнения социальной политики в разных странах мира. Классифицируя страны по различным показателям, он выделяет три режима «социально-ориентированного капитализма» (welfare capitalism) – консервативный, либеральный и социально-

демократический. Такая типология осуществляется, в том числе, по следующим критериям: ключевой актор социальной политики (государство или рынок), роль семьи в социальном обеспечении и положение женщины на рынке труда [17].

Рассматривая подробно консервативный и либеральный режимы, автор показывает, что социально-демократический режим, по контрасту с первыми двумя, характеризуется принципами универсализма и равенства на основе высоких, а не минимальных стандартов. Скандинавские страны – лучший пример такого режима [18]. По словам Эспинг-Андерсена, «все получают блага, все зависимы, все должны чувствовать себя в долгу» [19, р. 28]. Государство принимает на себя многие аспекты традиционных обязанностей семьи, предоставляя поддержку детям и пожилым, поощряя индивидуальную независимость, особенно для женщин, кто предпочитает работу.

Такое сравнение позволяет исследователю социальной политики увидеть различия законодательств и их реализации в конкретных странах и направления возможных изменений в международной перспективе. Конечно, ни один из режимов не существует в чистой форме. Однако классификация Эспинг-Андерсена позволяет проводить сравнительный анализ реальных систем социальной политики, развивая его теорию. В частности, вследствие недостатков международной статистики, в работе этого автора женщины появляются эпизодически, а потом снова исчезают, когда того требуют статистические таблицы. Исследователь не учел, что организация социальной политики в любой стране всегда основана на представлениях о различных позициях мужчин и женщин на рынке труда, и использовал гендерно нейтральные категории, объясняя то, каким образом «люди или их семьи могут обеспечить себе социально приемлемые стандарты жизни, независимо от их участия на рынке (т.е., без оплачиваемой занятости)» [19, цит. по 12, р. 10]. Участие женщин в домашней экономике не находит своего выражения в международной статистике, хотя

является решающей информацией для вывода о том, кто выигрывает и кто теряет в конкретных режимах благоденствия.

В сравнительном анализе, помимо гендера, отсутствует «раса». Между тем, как указывает Лена Доминелли, следует учитывать то, что «для представителей меньшинств, иммигрантов доступ к ресурсам благоденствия затруднен, их присутствие в исправительных и пенитенциарных учреждениях, как правило, намного превышает долю представителей большинства, во многом используется их труд на низкооплачиваемых рабочих местах системы соцобеспечения» [20, р. 2; см. также 6]. Кстати, некоторые из этих факторов могут быть найдены в легкодоступной международной статистике.

Исследование отдельных случаев в глобальном контексте или сравнение международной макроэкономической статистики объединяется в так называемом подходе «нечеткого набора», предложенного Чарльзом Рейджином. Датский социолог Джон Квист [21] применил этот подход к анализу того, насколько социальные реформы в скандинавских странах приближают или удаляют реалии социального государства от идеальной модели, выведенной Эспинг-Андерсеном. Из большого набора характеристик скандинавской модели благосостояния в целях проведения сравнительных замеров Квист выбрал щедрость, универсальность и качество. Сопоставление систем натуральных и денежных пособий для трех категорий населения (семьям, безработным и престарелым) в 1990-е гг. в скандинавских странах позволило ему оценить модели социальной реформы.

Оценка, диагностика, экспертиза в социальной работе

Различают два вида оценивающих исследований в социальной работе: оценка потребностей (или «нуждаемости») и оценка деятельности – оценка качества услуг, эффективности функционирования

организации, жизнеспособности или результативности программ и проектов. Ниже мы специально остановимся на стратегии оценивающих исследований в социальной работе.

Для того чтобы планировать и осуществлять социальный проект, необходимо провести оценку, или диагноз тех обстоятельств, в которых он должен работать. Эти обстоятельства могут выступить помехой, а могут способствовать успеху проекта. Поэтому необходимо не только поставить диагноз, но и сделать прогноз – постараться предусмотреть различные сценарии развития событий, а также продумать, каких можно ожидать последствий помимо тех, что запланированы проектом.

Осуществляя социальную диагностику, при помощи различных процедур проводят измерение признаков социального объекта. Для этого используется система социальных показателей, под которыми понимаются существенные характеристики отдельных свойств и состояний социальных объектов или процессов, имеющие количественные выражения [21]. Такие показатели, как правило, являются комплексными и выражают отношения между несколькими индикаторами (более простыми свойствами объектов). Кроме того, во многих социальных показателях отражаются принятые в культурной традиции нормы, представления о стандартах жизни и идеалах благосостояния, например, показатель жилья: жилая площадь, измеряемая в татами (Япония), «полезная площадь», измеряемая в квадратных метрах (Россия), или количество спален в доме (Западная Европа и США). Комплексные показатели имеют как явные, так и латентные смыслы, что усложняет задачу социальной диагностики, например: в показателе «женская занятость» скрываются смыслы оплачиваемой и неоплачиваемой работы, а также доступность услуг по уходу за детьми.

Примерами исследования, использующего технологии социальной диагностики, являются работы, посвященные анализу расходования времени родителями детей-инвалидов [22]. В социальной диагностике зачастую применяются так называемые

показатели-апрейзеры, измеряющие свойства объекта с помощью порядковой шкалы с тремя градациями, которые отражают высокий, средний и низкий уровни того или иного признака, например, удовлетворенности качеством обслуживания.

При установлении значений показателей возможны следующие ошибки: усреднение показателей при большом разбросе исходных данных («средняя температура по больнице», средняя зарплата); упрощение показателей, т.е. сведение их к меньшему числу детерминант (например, измерение эффективности только в экономических или только в количественных терминах); определение показателя вне зависимости от условий его измерения (его произвольное завышение и занижение вследствие пренебрежения точными расчетами и исследованиями).

Социальная диагностика использует нормативы, которые соединяют показатели и нормы, принятые правила. Норматив – это фиксированный числовой или содержащий закрытый перечень признаков показатель, в соответствии с которым устанавливаются обязательные для выполнения требования в том или ином виде деятельности. Обычно нормативы указывают предельные (минимальные и максимальные) – например, «минимальная заработная плата», «прожиточный минимум», «метраж» – или реже оптимальные параметры, которые необходимо выдерживать. Оптимальные параметры формулируются из многих критериев, как правило, при помощи экспертной оценки. Они являются более субъективными по своему характеру (зависят от предпочтений конкретных разработчиков) и труднее переводятся в систему показателей, однако, их применение в социальной диагностике оправдано [23, с. 153–154].

В диагностической работе выделяются три этапа: 1) сравнение: с результатами деятельности (свойствами) других, с прежними результатами своей деятельности (свойствами), с поставленными целями (критериями); 2) анализ полученных изменений; 3) интерпретация полученной разнородной информации. В социальной

диагностике применяются различные тестовые методики. Если перед исследователем ставится задача, подходы к решению которой затруднены ввиду новизны социальных явлений и процессов, которые требуется оценить, то привлекаются процедуры экспертного опроса. В этом случае говорят о трудноформализуемой задаче, решить которую можно путем составления заключения специалиста или специалистов, имеющих опыт в данной сфере, обладающих соответствующими знаниями, что отчасти может восполнить недостатки или недостаточную полноту информации по исследуемому вопросу.

К достоинствам экспертизы можно отнести возможность получения обратной связи вследствие реализации каких-либо социальных проектов, в том числе оперативного контроля над реализацией реформ и мониторинга социальных изменений. К недостаткам такого подхода можно отнести высокий риск использования недостаточно обоснованных индикаторов, особенно в контексте сравнительного анализа. Кроме того, фокус внимания в оценке и экспертиза часто останавливаются на акторах, признанных ключевыми, в силу чего некоторые практики, считающиеся маргинальными, несущественными, могут оказаться незамеченными и, в результате, социальные проекты, оцениваемые как успешные, могут способствовать усилению социального неравенства в отношении определенных социальных групп.

Акционистские и партисипаторные исследования в социальной работе

Процессы исследования важны в такой же степени, как и конкретный предмет исследовательского внимания [24]. И речь здесь не только о том, какой инструментарий при этом задействуется для сбора и анализа данных, а еще и о тех отношениях неравенства, которые возникают благодаря тому, что исследователь обладает «властью» знания, рефлексии, оценки и экспертизы, а

исследуемые выступают объектом его интереса, определения и эксперимента.

Разновидностью прикладного исследования (applied research) является *акционистское*. В акционистском исследовании (action research) важно внедрить результаты в определенные действия, акционистское исследование выступает непосредственным катализатором конкретных преобразований, акций, коллективных выступлений или обращений, реальной деятельности, ведущей к позитивным изменениям. Этот подход получил развитие и нашел применение в сфере образования и менеджмента предприятий, социальной работы и социального управления. Термин «акционистское исследование» еще в 1944 г. был предложен социальным психологом Куртом Левином, которому принадлежит мысль о том, что лучший способ изучить социальные системы – это изменить их. Другая его идея состоит в том, что, проходя через процесс коллективного исследования, индивиды в большей степени готовы воспринимать изменения [25].

Несмотря на то, что выводы прикладного и акционистского социального исследования часто ведут к пересмотру понятий и способов решения социальных проблем, трудностью внедрения этих результатов является их формулирование в научных терминах, несколько удаленных от возможностей и потребностей реальной практики, от непосредственных задач социально-политического контекста. В связи с этим говорят о необходимости выработки конкретных рекомендаций, написанных сжатым и простым языком, имеющих удобный и привлекательный вид «рецептов», готовых для применения в повседневной деятельности практиков или управленцев, в краткосрочных курсах повышения квалификации или интенсивных тренингах. Говоря о возможных недостатках таких методов, следует упомянуть о трудностях, связанных с формированием аналитического запроса от безвластных, меньшинство, которые нуждаются в изменениях больше других, но не обладают способностью к определенной артикуляции

своего интереса. Трудно на практике создать условия, когда исследователь или обладающие властью акторы действительно могли бы уступить свое место представителям безвластных групп, хотя усилия в этом направлении заслуживают внимания.

Во всех упомянутых выше типах исследований предполагалось более или менее четкое разделение ролей между исследователем и заказчиком, исследователем и исследуемыми людьми. Те, кого мы исследуем, фактически лишены возможности влиять на процесс написания нами научной статьи или на создание пакета рекомендаций. Однако есть и другие подходы, в которых принципиально важным является то, что исследование, как и рекомендации, разрабатывается представителями сообщества, той группы, которая испытывает проблемы и стремится к их решению. Такие исследования базируются на понятии критического знания. Современный немецкий философ Ю. Хабермас говорит о критическом типе знания, которое возникает из рефлексии и действия, позволяя поставить вопрос о том, что такое право и справедливость, и побуждая нас занять активную ценностную позицию [26]. Такой подход реализуется в партисипаторных исследованиях (*participatory research*), чрезвычайно актуальных сегодня в феминистских исследованиях социальной политики и социального обслуживания, как и в практике гендерно чувствительной социальной работы [27].

Слово «исследование» обычно вызывает в воображении образ лаборатории и научных экспериментов, экспертов-исследователей, вооруженных анкетами и путеводителями интервью, обширную статистику или другие «исчисляемые» выражения реальности. Для многих из нас, трудящихся в системе образования, социальной защиты, в социальных науках, сегодня ясно, что такой подход создает дистанцию между нами и теми людьми, с которыми мы работаем. Он скорее ставит академическую задачу, чем выстраивает основу для социальных изменений, и довольно часто ограничивает наше понимание социальной реальности.

Партисипаторный (от англ. participation – участие) подход обеспечивает альтернативный подход к исследованию, поскольку подразумевает скорее «исследование совместно с кем-либо», чем «изучение кого-то» или «для кого-то». Этот подход основывается на принципе, что простые люди так же, как и профессионалы, способны к критическому мышлению и анализу, что их знания содержательны и ценны для образования или социального развития. При таком подходе сами участники организации проводят анализ проблемы, а исследователь лишь фасилитирует этот процесс, избегая акцентировать свою роль как эксперта.

Партисипаторное исследование (participatory research) применяется в работе с общественностью, в организациях и группах, если адресуемая проблема имеет социальный характер. Это средство для передачи исследовательских возможностей в руки тех, кто депривирован и бесправен, чтобы они могли изменить свою жизнь самостоятельно ради самих себя. При этом люди получают ответственность как за производство знания, так и за его использование. Понятие «осознания», предложенное бразильским специалистом в области образования Пауло Фрэйром, является ключевым в партисипаторном исследовании. Это понятие означает, что люди, вовлеченные в глубокий анализ их собственной реальности, развивают «понимание» и способность действовать для улучшения своей реальности [28].

Наиболее очевидное свойство партисипаторного исследования, которое отличает его от более традиционных видов научной работы, – это активное участие представителей организации или сообщества в исследовательском процессе. Цель – способствовать усилению и мобилизации ресурсов простых людей, активизировать их потенциал, быть катализатором продвижения потенциала лидерства в организации или местном сообществе. В таком исследовании могут применяться разнообразные методы сбора и анализа данных. Важно, чтобы все участники четко понимали характер и смысл получаемой информации, знали, как ее

использовать, могли планировать действия, которые стоит предпринять, чтобы разрешить проблему. Партисипаторное исследование применяется в таких формах социальной работы, как работа с сообществом (community work), работа в группе, в том числе, в группе самопомощи. Международный совет по образованию для взрослых в Онтарио (Канада) и Общество партисипаторных исследований в Азии в Дели (Индия) – вот лишь некоторые из многочисленных организаций, которые осуществляют продвижение этого метода на протяжении ряда лет. Партисипаторное исследование применялось в феминистских и других эмансипирующих проектах в различных странах: в США, Канаде, Индии, Никарагуа, Филиппинах.

Существует такая разновидность партисипаторного исследования, как партисипаторное акционистское исследование. Развитие этого подхода также было вызвано потребностью в «альтернативных» подходах к социальному исследованию и в социальных действиях, ориентированных на активизацию местного сообщества. Примером служит работа французского социолога А. Турена, определившего свой метод как социологическую интервенцию, в процессе которой социальные акторы пытаются осознать мотивы своего поведения, осознать собственную значимость и ответственность [29]. В исследовании А. Турена такими людьми в России стали активисты альтернативных профсоюзных организаций, озабоченных состоянием трудовых отношений на производстве. При этом они не становятся объектами исследования, а выступают в качестве представителей определенного вида деятельности.

Подходы партисипаторного исследования являются инструментальными в аспекте осуществления изменений на индивидуальном уровне, а также делают акцент на важности коллективов людей в понимании и трансформировании социальной реальности. Практика показывает, что процесс коллективного открытия и принятия решений мобилизует индивидов принимать изменения с большей готовностью. Партисипаторные исследования стали по-

пулярной стратегией мобилизации и организации сообщества, особенно среди угнетенных секторов общества, например, в сельской местности или среди женщин, инвалидов, этнических меньшинств, детей и подростков.

В роли исследователя, который фасилитирует процессы осознания и мобилизации ресурсов в той или иной группе или сообществе, может выступать социальный работник. Данный метод воплощен в уже упоминавшихся группах самопомощи, роста сознания, в социальной работе с сообществом, в частности, в активизации таких негосударственных образований, как ассоциации жильцов, в работе по объединению жителей микрорайона, выступающих за нормализацию работы жилищно-коммунальной сферы, за чистоту и безопасность окружающей среды.

В связи с применением партисипаторных методов исследований возникает вопрос о возможных ограничениях и проблемах. В этой связи можно упомянуть, в частности, более актуальную, чем в других подходах, проблему беспристрастности в истолковании данных (заметим, что эта проблема значима для любого типа исследователя – очень часто, даже в тех подходах, где представители изучаемых групп не имеют власти повлиять на формулировку задач и акцентов в интерпретациях, роль, тенденциозность в трактовке результатов исследования велика). Общественники, собирающие интервью или другие данные, проявляют склонность к отбору тех свидетельств, которые бы подкрепляли определенную политическую линию. В некоторых случаях интервьюеры-волонтеры проявляют инициативу к соединению методов сбора данных с практикой пропаганды, что накладывает неконтролируемые помехи на природу собираемых полевых материалов. В этой связи от фасилитатора партисипаторных методов требуются дополнительные усилия для обоснования важности нейтралистской позиции при формулировке вопросов и сборе полевых материалов и при контроле хода исследования.

Рассматриваемый подход предоставляет целый ряд приемов для развития демократических процессов и децентрализации контроля не только в исследованиях, непосредственно связанных с социальным развитием и социальной работой, но и в образовании. Что касается преподавателей, приверженных данному методу, – они включают учащихся в разработку учебного плана или программы курса, а также применяют в своей педагогической деятельности такие приемы, которые позволяют повысить участие студентов в поиске, производстве и рефлексии знания по предмету. Сегодня все больше стран переходят в своих учреждениях среднего и высшего образования к модели проблемно-ориентированного обучения (*problem-based learning*). В этой модели преподаватель играет роль инструктора, дающего стимульный материал и задание, а студенты самостоятельно распределяют функции внутри своей группы, управляют процессом поиска, обобщения и представления информации. Преподаватель вмешивается очень редко – лишь в тех случаях, когда студентам требуется консультация или когда происходит сбой в процессах самоуправления ввиду неопытности учащихся. Данный метод с особым успехом используется на занятиях по социальным и гуманитарным предметам, где требуется развитие независимого, критического мышления, навыков индивидуальной и коллективной работы, ответственности и интереса к новому знанию, где так важен опыт самостоятельных открытий, отстаивания и пересмотра своего мнения. В преподавании социальной работы партисипаторные методы просто необходимы. Благодаря таким методам студенты могут приобрести профессиональные качества самостоятельного анализа, коллективного принятия решений и работы в группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sinclair I.* Methods and Measurement in Evaluative Social Work // Researching the Social Work Process. The ESRC seminar 11th July 2000 Luton // <http://www.elsc.org.uk/socialcareresource/tswr/seminar6/sinclair.htm>. Обращение 22.01.2005.

2. *Ежова Л., Порецкина Е.* Деинституционализация воспитания детей-сирот: российский дискурс и практика // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2.

3. *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. 2004. Т. XIII. № 2. С. 66–95.

4. *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура // Социологические чтения. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. Вып. 1.

5. *Завиржек Д.* Как выжить детям с ограниченными возможностями и детям этнических меньшинств в государственных учреждениях длительного пребывания // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2.

6. *Спалек Б.* Британские мусульманские общины и политика в области криминальной юстиции // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 2.

7. *Кларк Дж.* Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1.

8. *Шишкин С.* Бесплатное здравоохранение: реальность и перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1.

9. *Ярская В.* Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1.

10. *Рязанцев С.* Миграционная ситуация и миграционная политика на Северном Кавказе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 2.

11. *Густафссон Б.* Современный опыт Швеции в области международной миграции: проблемы и исследования // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 2.

12. *Cochrane A.* Comparative Approaches and Social Policy // Comparing Welfare States: Britain in International Context / Ed. by Allan Cochrane and John Clarke. London: Sage and Open University Press, 1994. P. 1–17.

13. *Ловцова Н.И.* «Здоровая, благополучная семья – опора государства»? Гендерный анализ семейной социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 3. № 3/4.

14. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 1. № 3/4.

15. *Гал С., Клизмен Г.* Формы государства, формы «семьи» // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 1. № 3/4.

16. Социальная политика и социальная работа: гендерный аспект / Под ред. Е. Ярской-Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.

17. *Эстинг-Андерсен Е.* Создание социал-демократического государства благосостояния // Создавая социальную демократию: Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции / Под ред. К. Мисгельда, К. Молина, К. Омарка. М.: Весь мир, 2001.

18. *Вейт-Уилсон Дж.* Государство благосостояния: проблема в самом понятии // *Pro et Contra*. 2001. Т. 6. № 3.
19. *Esping-Andersen G.* *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
20. *Dominelli L.* *Women across Continents: Feminist Comparative Social Policy*. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1991.
21. *Квист Дж.* Социальные реформы в скандинавских странах в 1990-е годы: использование теории нечеткого набора для оценки соответствия идеальным типам // *SPERO: Социальная политика: экспертиза, решения, оценки*. 2003. № 1. <http://spero.socpol.ru>.
22. *Кулагина Е.* Домашний труд по уходу за детьми-инвалидами: проблемы замещения на институциональном уровне // *Журнал исследований социальной политики*. 2004. Т. 2. № 1.
23. *Луков В.А.* Социальное проектирование. М.: Изд-во Моск. гуманит.-социал. академии; Изд-во «Флинта», 2003.
24. *Hall B.L.* Participatory Research, Popular Knowledge and Power: A Personal Reflection // *Convergence*. 1981. Vol. 14. No. 3. P. 6–19.
25. *Lewin K.* Action Research and Minority Problem // *Journal of Social Issues*. 1946. Vol. 2(4). P. 34–46.
26. *Habermas J.* *Knowledge and Human Interests*. Boston: Beacon, Press, 1971.
27. *Pinto M.* *Doing Research with People: Approach to Participatory Research: An Introduction*. New Delhi: Society for Participatory Research, 2000.
28. *Freire P.* *Pedagogy of the Oppressed*. NY: Herter and Herter, 1970.
29. *Турен А.* Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.